

В начале Бог сотворил небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: один день.

Бытие 1: 1–5

Содержание

Введение 9

Глава 1

Инстинкт делить все на категории 21

Глава 2

Уйма проблем 35

Глава 3

Когда сталкиваются категории 49

Глава 4

Темная сторона черно-белого 65

Глава 5

Принцип видеоискателя 78

Глава 6

Сложность простоты 97

Глава 7

Радуга, которой могло не быть 112

Глава 8

Рамочная игра 130

Глава 9

Путь к власти 161

6 ЧЕРНО-БЕЛОЕ МЫШЛЕНИЕ

Глава 10

Сверхубеждение 181

Глава 11

Тайное влияние: секретная наука получения желаемого 201

Глава 12

Перерисовка линий 231

Постскрипtum

Мудрость радикалов 267

Приложение I

Лингвистика и восприятие цвета 280

Приложение II

Оцените свою потребность в когнитивной закрытости 282

Приложение III

Краткая история рамок 284

Приложение IV

Цветовое пространство в языке беринмо и в английском языке 287

Приложение V

Три эволюционные стадии черно-белого мышления 290

Приложение VI

Черно-белое мышление на протяжении веков 293

Приложение VII

Основы эссенциализма 296

Список литературы 299

Выражение признательности 342

Благодарности 343

Об авторе 346

Введение

Он как человек с вилкой в мире супов.

НОЭЛЬ ГАЛЛАХЕР

Рядом с кассовым аппаратом — две банки для чаевых. На обе прикрепили листки бумаги: на одном написано «реальная жизнь», на другом — «фантазия». А между банками — фотография Фредди Меркьюри. Емкости, уже забитые монетами и купюрами, быстро наполняются: когда я заканчиваю свое блюдо, деньги из них вынимают, а надписи меняют. Теперь между собой соревнуются котята и щенки. Возможно, это не такое интересное противостояние, как то, что отсылало к тексту «Богемской рапсодии», но банки наполняются монетами, и звук от удара металла по стеклу не затихает.

Это любопытно.

Последние две недели я провел в Сан-Франциско, разговаривая с экспертами по черно-белому мышлению. Прежде чем отправиться домой в Оксфорд, я решил заехать в район Хейт-Эшбери, чтобы поразмыслить над сказанным. И вот я сижу в этом кафе и заказываю тако. Я спрашиваю официантку, почему здесь собирают чаевые таким необычным способом. Она улыбается.

— Мы постоянно меняем надписи на банках, — говорит она мне. — Пять-шесть раз в день. Раньше, когда мы не использовали этикетки, чаевые набирались очень медленно. Но когда мы решили дать гостям выбор, например, между котятами и щенками, они стали намного щедрее. Не знаю, почему. Думаю, это просто весело.

Я не уверен, что причина именно в этом.

Перед тем как уйти, я останавливаюсь у кассы, чтобы посмотреть, как кто-нибудь сделает выбор. Две девушки чуть за двадцать колеблются, хихикают, а затем одна из них бросает деньги в банку с надписью «котята», а другая — в соседнюю.

— Почему вы сделали такой выбор? — спрашиваю я.

— Кошки не нуждаются в нас, — отвечает одна из девушек. — А щенкам мы нужны.

Ее подруга качает головой:

— Именно поэтому я предпочитаю кошек! Кошек не нужно выводить на прогулку, а не выгуливать собак нельзя. Но разве можно получить удовольствие от прогулки, если на улице холодно, темно и идет дождь...

Собачница прерывает ее:

— Именно потому, что собак нужно выгуливать, их хозяйка более дружелюбна. На прогулке можно встретить других собаководов и познакомиться с ними!

Спор между подругами продолжается, даже когда они уходят из кафе. Ко мне подходит официантка.

— Видите? — спрашивает она. — Людям нравится выбирать. Это приносит им радость.

Я киваю и спрашиваю, между чем еще посетителям кафе приходилось делать выбор. Официантка пожимает плечами.

— *Apple* или *Microsoft*, весна или осень, ванна или душевая кабина... — женщина умолкает и убегает к другому столику.

Полагаю, этот список бесконечен: существует множество способов разделить людей, дав им выбор между двумя вариантами, поскольку все мы очень разные.

Однажды я прочел статью в местной газете, в которой говорилось, что сейчас в *Facebook* есть около семидесяти различных категорий для гендерной идентичности, а на *Spotify* — около 4000 различных музыкальных жанров. В мире, где границы все больше размываются и нет ничего постоянного, мы хватаемся за возможность классифицировать самих себя, повесить на себя ярлык. Мы пытаемся прибить флаг к мачте нашего корабля, отказываясь сдаваться. И, как показывает пример с банками для чаевых, за привилегию отнести себя к той или иной группе мы готовы платить.

Куда бы мы ни посмотрели, везде встретим границы. Мы живем в разделенном мире: по одну сторону баррикад — «мы», по другую — «они». И линии, которые мы проводим между друг другом, бесконечны. Мы делимся на группы по расам, гендеру. А Великобритания проводит черту, отделяя себя от Европы.

Такими нас сделала эволюция. Но как мы можем быть уверены, что границы, которые мы возводим, точны? Ответ прост: никак. У нас нет возможности удостовериться, что мы все делаем правильно. Мир — сложное место, но разделение на группы делает вещи проще.

Возьмем в качестве примера систему расчета среднего балла аттестата (GPA)¹. В Великобритании обучающиеся получают документ со степенью отличия: она зависит от средней оценки успеваемости по всем предметам за последний год. Чтобы получить документ с определенной степенью, нужно, чтобы средний балл уложился в определенный диапазон. С одной стороны, это выглядит разумно. С другой — это статистический импрессионизм. Неужели тот, кто получил 70 баллов, умнее того, кто получил 69?

¹ Средний балл аттестата (*Grade Point Average*) в каждой стране рассчитывают по-разному. GPA необходим при поступлении в вуз в США, Канаде и странах Европы. — *Прим. ред.*

Вопрос справедливости разделения на группы не только философский, но и практический. Студенты, получившие дипломы с высокой степенью отличия, имеют больше возможностей, чем остальные. Мечты тех, чей средний балл застыл на границе диапазона, могут разбиться, а карьерные перспективы — испортиться. Проводя линии, что нас разделяют, мы открываем и закрываем двери друг перед другом, и иногда буквально. В рамках борьбы с распространением коронавируса в марте 2020 года правительство Великобритании призвало всех людей старше 70 лет оставаться дома, чтобы защитить себя от болезни. Когда же речь идет об экзаменах, оценка в 70 баллов может открыть перед студентом новые возможности.

Но мы вынуждены устанавливать эти границы. Наркотическая зависимость, террористическая угроза, пандемия¹ — вы даете явлениям имена, а мы очерчиваем для них рамки. Мы используем цифры, буквы, цвета, все, что попадет под руку. Потому что проведенная линия — это уже принятое решение.

Черно-белое мышление связано с порядком. Вернее, оно создает его иллюзию. Линии, которые мы рисуем в пустыне неразрывной реальности, испаряются, как и когнитивные миражи, когда мы приближаемся к ним, сосредотачиваясь на их эфемерности. Еще во времена наших доисторических предков, когда человеческий мозг был молод и девственен, эти рамки

¹ На момент написания книги в новостях чаще всего говорили о коронавирусной инфекции COVID-19. Министерство здравоохранения Великобритании разделило страны, поездки в которые небезопасны, на две категории. Возвращающиеся из стран первой категории должны были отправиться на самоизоляцию, даже если не имели признаков заболевания, позвонить в Национальную службу здравоохранения Англии и сообщить о недавней поездке. Возвращающиеся из стран второй категории не должны были принимать никаких специальных мер, но в случае обнаружения симптомов заболевания они были обязаны тоже самоизолироваться и позвонить в Национальную службу здравоохранения.

работали эффективно и идеально подходили для своей цели. Если бы древние люди, наткнувшись на змею под камнем или на тигра в кустах, задумались, опасно это животное или нет, это стоило бы им жизни. Единственное верное решение, которое они должны были принять как можно скорее, — быстро отойти на безопасное расстояние.

подавляющее большинство решений, которые наши предки принимали в течение жизни, скорее всего, были связаны с противоположностями: либо черное, либо белое; либо то, либо другое. И на то была причина: чаще всего древние люди решали вопросы жизни и смерти. Внезапные наводнения, торнадо, удары молнии, оползни, лавины, падающие деревья — эти вещи возникают из ниоткуда, происходят мгновенно. Любители почесать затылок в процессе самокопания в этом мире надолго не задерживались.

Но сегодня игра изменилась. Шаблоны, которые позволяли нашим предкам выживать, теперь вредят нам. Доказательства можно увидеть повсюду. Просто спросите южноафриканскую спортсменку, легкоатлетку, специализирующуюся на средних дистанциях, Кастер Семеня¹, которую критиковали за естественно поднявшийся уровень тестостерона. Мир стал сложнее: под давлением новых социальных норм и правил мы вынуждены чертить границы аккуратнее и отказываться от рамок прошлого, которые нам больше не подходят.

Наш мозг должен помогать нам выживать. Со временем условия, необходимые для существования, менялись. Возьмем, к примеру, одноклеточную амебу. Ее цель, как и у любого другого живого организма, — выживание и воспроиз-

¹ Кастер Семеня — южноафриканская легкоатлетка, двукратная олимпийская чемпионка, трехкратная чемпионка мира на дистанции 800 метров. Исключительность достижений спортсменки породила вопросы о ее гендерной принадлежности. По данным СМИ, Кастер Семеня оказалась интерсексом, и особенностью ее организма является природно высокий уровень тестостерона. — *Прим. ред.*

водство. Для жизни амебе нужны только тепло, пища и свет. Изменения во внешней среде отражаются на поведении этого простейшего одноклеточного: животное начинает двигаться к ближайшим источникам света или прочь от вредных раздражителей. Если бы мы могли поговорить с одной из амёб, она бы сказала: «Нет нужды в регуляторе интенсивности света в этом пруду, приятель. Романтические вечера при свечах — это не для нас. Если внезапно темнеет, значит, в воздухе происходит что-то странное, и мы прячемся. Нам нравится, когда все просто». Благородная, если не сказать спартанская, философия.

Но простота подходит не всем. Естественный отбор привел к развитию технологических ноу-хау. Появление многоклеточных организмов стало отправной точкой для формирования первых в мире нервных систем в виде примитивных нервных сетей или ганглиев — запутанных скоплений нервных клеток. Их цели и функции были просты, как и у одноклеточных — облегчить обнаружение внешних раздражителей, — но теперь они делали это с помощью более эффективных средств.

Перенесемся в настоящее, где наше кропотливое психофизическое преобразование уже завершилось. Мы, люди, теперь оснащены по крайней мере шестью основными органами чувств, но может быть, их у нас еще больше. Пять чувств предназначены для наблюдения за происходящим во внешнем мире: зрение, осязание, обоняние, вкус и слух. А одно чувство — проприорецепция — направлено на осознание положения тела и его частей в пространстве, на поддержание внутреннего баланса среди постоянного потока информации о собственном движении.

Среди этих шести основных чувств зрение занимает доминирующую позицию: на его долю приходится около 70% всей получаемой сенсорной информации. На то есть причина: понимание размера, цвета, формы и направления движения дру-

гих живых существ было настолько важным для выживания человека, насколько для амёб — чувствительность к яркости и контрасту. Появление тени на стене пещеры или поверхности водоема заставляли людей задаваться лишь двумя вопросами: «Это то, что я могу съесть на ужин?» или «Это нечто большое и сильное, которое хочет съесть на ужин *меня?*».

Но с возникновением сознания, появлением языка и культуры человека стало заботить не только выживание. Мы пересобрали наши цели на совершенно ином эволюционном игровом поле. Внезапно яркие контрасты — черное и белое, светлое и темное — перестали кого-либо интересовать. А серый стал цветом, о котором стоит задуматься. Человечество отчаянно нуждалось в «регуляторе оттенков» — важном элементе нейрофизиологического набора, который помогал бы сделать вывод на основе тона, не отталкиваясь от монохромных оппозиций.

Вот только никакого регулятора оттенков не существует. Его появление могло бы стать большим событием, но в корпорации «Естественный отбор» такой инструмент все еще не изобрели.

Мы оказались в затруднительном положении. Мы плывем по серому ручью с простейшими черно-белыми веслами. Группируем, наклеиваем ярлыки, раскладываем информацию по ящикам своим способом, чтобы принять иррациональные и неоптимальные решения, потому что наш мозг очень быстро разросся. Он слишком рано стал слишком умным и слишком быстрым. Мы классифицируем, а не калибруем. Мы разделяем, а не объединяем. И мы преувеличиваем и карикатурно изображаем различия, а не подчеркиваем сходства.

Возьмем, к примеру, вино. Я полагаю, что многие из нас смогли бы отличить красное от белого в слепом тесте. И некоторые, может быть, даже смогут отличить каберне-совиньон от пино-нуар. Но как найти отличия между двумя изысканными, тонченными и очень сложными бордо? Конечно, нас

больше беспокоит слепота к различиям между людьми. Если мы перепутаем вина и назовем красное белым, апокалипсис не случится. Но если отнести всех мусульман к радикалам, поддерживающим «Исламское государство»¹, стоит ждать беды.

Сегодня бинарные оппозиции как инструмент познания не нужны человеку для выживания, но однажды черно-белое мышление может решить нашу судьбу. Радикализм стратегий террористических организаций, таких как ИГИЛ, или политический популизм в стиле администрации Трампа рано или поздно начнут приманивать сторонников разума и здравого смысла.

Но разве все мы не виноваты в этом в равной степени? Наш разум всегда стремится разделить нас, и сильнее всего это заметно в эфемерном мире социальных сетей. Если кто-то выдвигает утверждение, с которым мы абсолютно не согласны, то какова наша первая реакция? Разве мы не начинаем сразу же утверждать противоположное? (См. изображение 0.1.)

В этой книге мы рассмотрим важность деления на категории в повседневной жизни, поймем, зачем нужен этот своеобразный набор *Lego*, с помощью которого мы разбираем и выстраиваем заново реальность, поразмыслиаем над тем, что без этого конструктора мы не смогли бы принять даже самые простые решения. По мере погружения в тему мы узнаем, что начинаем выстраивать границы с детства, а наша способность делить все на категории — инстинкт, заложенный глубоко в мозг, а не нечто, приобретенное в процессе жизни. И мы поймем, как навязывание «ложной ясности» удовлетворяет первобытную потребность человека в порядке, простоте, различиях, дихотомиях и границах, как эти линии, что нас разделяют, приводят к разногласиям, дискриминации и розни.

¹ Непризнанное государство и международная исламистская суннитская террористическая организация, действующая преимущественно на территории Сирии и Ирака фактически с 2013 года как непризнанное квазигосударство с шариатской формой правления и штаб-квартирой в сирийском городе Ракка. Запрещена на территории РФ.

Черное	Белое	Серое
<p>Нужно радоваться только золотым олимпийским медалям, потому что серебро и бронза означают поражение.</p> <p>После Брексита я могу называть себя только британцем.</p>	<p>Любая позиция на пьедестале — это значимое достижение.</p>	<p>Все зависит от ситуации. Фаворит, который скатывается до серебра из-за недостатка концентрации, может, и не нуждается в поздравлениях. А вечный аутсайдер, который показывает результаты лучше, чем раньше, достоин похвалы.</p>
<p>После Брексита я могу называть себя только британцем.</p>	<p>Я остаюсь европейцем даже после Брексита.</p>	<p>Можно быть и британцем, и европейцем. Отказываться от той или иной идентичности не стоит. Когда Англия играет в футбол с другой европейской страной, британец чувствует себя прежде всего британцем. Но если тот же человек отправится на другой материк, там он будет чувствовать себя европейцем.</p>
<p>Террористы — безумцы.</p>	<p>Террористы вменяемы.</p>	<p>Многие террористы могут вести себя «безумно», но на самом деле быть в здравом уме. Два человека могут выполнять одно и то же действие, но по совершенно разным причинам. Радикальные идеи могут превратить совершенно нормального человека в сумасшедшего, заставляя его совершать безумные с рациональной точки зрения поступки.</p>

Изображение 0.1: Три примера черно-белых позиций, недавно появившихся в британских СМИ (и их «серые» альтернативы).

Представим, что нам нужно составить палитру всех цветов кожи человечества — от самого черного на одном конце до самого белого на другом. Мы не сможем понять, в какой точке этого градиента черный цвет кожи становится коричневым. Или в какой момент начинается спектр оттенков, характерный для светлокочих рас. Цвета кожи тех, кто стоял бы в подобном ряду плечом к плечу, были бы почти идентичными. Мы бы столкнулись с невозможностью определить рамки для той или иной категории, и тогда черное и белое в расовом или этническом смысле перестали бы существовать¹. И все же вопросы, связанные с расовой принадлежностью, сегодня остаются самыми горячими.

По мере изучения нашего врожденного и всеохватывающего инстинкта деления на категории мы столкнемся и с другими проблемами. Когда Фредди Меркьюри не был занят размышлениями о различиях между реальностью и фантазией, он, кажется, любил утверждать, что если что-то нужно сделать, то сделать это нужно блестяще, приложив максимум усилий. Я не собираюсь спорить с Фредди, если речь идет о постановке шоу, но, если переложить этот принцип на любовь людей к категоризации, я с ним не соглашусь.

Когда вокруг слишком много вариантов, наш мозг не знает, как лучше поступить, что выбрать. Возьмем, к примеру, *Netflix*. На платформе сейчас более 76 тысяч тщательно отобранных поджанров — от психобидди (включает в себя фильмы о сошедших с ума старушках, воюющих друг с другом в особняках с привидениями) до картин, в которых морские существа играют в спортивные игры.

Когда вариантов слишком мало, мозг побуждает нас стать воинственными. В ИГИЛ разработали специальное понятие для описания мира, в котором мусульмане и немусульмане

¹ Это не означает, что раса и этническая принадлежность связаны только с цветом кожи, скорее цвет играет ключевую роль не только в вопросах расовой принадлежности, но и в расовой идентификации.

могут жить вместе, — «серая зона». И эта зона разделяет два мира — «своих» и «неверных», «праведных» и «неправедных». Неудивительно, что на флаге ИГИЛ всего два цвета — черный и белый¹. И неудивительно, что последователи этой организации ненавидят города. В городах сливаются воедино надежды и мечты, страсти и страхи, цвета и верования. Многоконфессиональное, панидеологическое сердцебиение современного процветающего мегаполиса, будь то Лондон, Париж, Нью-Йорк или Бейрут, пугает ИГИЛ и другие подобные ей группировки, потому что города — свидетельство того, что люди могут сделать многое, просто объединившись.

И мусульмане, и католики, и атеисты в мегаполисах покупают еду и одежду в одних магазинах, гуляют с детьми в одних и тех же парках и на одних и тех же детских площадках. Но фанатизм требует полного отказа от какой-либо двойственности. Существовать может либо одно, либо другое, и никак иначе. Правда, как и всегда, находится где-то посередине. Оптимальное разделение на категории во многом зависит от того, что мы пытаемся категоризовать. От обстоятельств зависит и подбор категорий, когда мы пытаемся описать реальность для другого человека. Как говорится, лучше меньше, да лучше. Прости, Фредди.

Если мы попробуем найти истоки черно-белого мышления, то обнаружим, что, когда дело доходит до формирования

¹ Черное знамя — это флаг с однотонным черным полем. Согласно исламской традиции, такое знамя использовал пророк Мухаммед. Флаг также является важным символом в исламской эсхатологии: он знаменует приход Махди (последнего преемника Мухаммеда), который избавит Землю от зла до Судного дня. В последнее время появилась практика включения белого шахада («свидетельства», символа веры, одного из пяти столпов ислама, который представляет собой определенную фразу) в оформление флага в качестве военного знака (традиция, принятая династией Хотак в XVIII веке), которую стали использовать исламские джихадистские группы, включая Талибан, Аль-Каиду, Аль-Шебааб и ИГИЛ, запрещенные на территории Российской Федерации.

мнения, изменения взглядов и привлечения других на свою сторону, число три становится магическим. Мы окунемся в туман нашего эволюционного прошлого и обнаружим золотую триаду противопоставленных суперкатегорий, которые до сих пор оказывают такое глубокое и мощное влияние на наш неизменно впечатлительный мозг, что, когда их используют для манипуляции, они всегда срабатывают: бей или беги, мы или они, правильно или неправильно. Если такими категориями манипулируют Бен Ладен или Гитлер, это приводит к катастрофе. Но если использовать эти противопоставления во благо, можно творить чудеса.

Приведу пример. 62 тысячи человек присутствовали на генеральной репетиции церемонии открытия Олимпийских игр 2012 года в Лондоне, но лишь немногие слили содержание шоу в социальные сети. Это удивительно, особенно учитывая давление, связанное с современной онлайн-культурой. Есть множество предположений, почему так произошло, но одна теория меня особенно заинтересовала. В вечер репетиции художественный руководитель шоу Дэнни Бойл обратился к счастливицам, собравшимся на закрытом стадионе в Олимпийском парке Стратфорда, и попросил их сохранить все в тайне, чтобы сделать для остальных сюрприз. Он мог бы просто попросить людей ничего не выкладывать в сеть, но эта фраза оказалась куда эффективнее (если, конечно, в реальности все так и было).

Эта уловка сработала, потому что, если бы мы распечатали на баннерах древнюю триаду оппозиций, которые нами управляют, под каждым заголовком мы бы обнаружили текст мелким шрифтом, написанный самой эволюцией.

Бей или беги: «Не поддавайтесь искушению выложить все в сеть, не обращайтесь на шепот человеческой природы. Все мы любим делиться секретами, но никто не любит портить сюрпризы».

Мы или они: «Давайте оставим эмоции при себе до большого открытия. Мы привилегированная группа и не хотим слишком рано принимать в клуб посторонних, не так ли?»

Правильно или неправильно: «Как бы вы себя чувствовали, зная, что, рассказав всем секрет, вы испортили не только день открытия Олимпиады, но сделали все усилия, вложенные в создание шоу, напрасными?»

Простая замена слова «секрет» на «сюрприз», смещение акцентов привели к такому результату.

Как мы обнаружим позднее, язык помогает принять ту или иную сторону в любой ситуации, а не только при выборе между оппозициями древней триады. Функция языка на самом деле чрезвычайно проста: с его помощью мы отличаем одно от другого, вышаем ярлыки. Без языка у нас бы не было ничего. Там, где язык бессилен, бразды правления берет убеждения. Если функция языка состоит в том, чтобы различать явления, тогда функция убеждения — сделать привычное мне привычным для другого. Превратить мой испорченный сюрприз в наш общий секрет.

Мы должны овладеть умением описывать явления и убеждать друг друга, если хотим жить в согласии. Эта необходимость — следствие склонности нашего мозга видеть мир в черно-белых тонах. Но есть условия, которые нужно выполнять. Правила, которые необходимо соблюдать. Нам нужно знать, как работает наш мозг, когда и почему срабатывают уловки, связанные с черно-белым мышлением. И оставаться начеку, когда другие используют их против нас.

По мере того, как наше путешествие к сердцу влияния продолжится, мы обнаружим, что мозг, создающий грубые и примитивные модели реальности в наших головах сам является устаревшей и неактуальной, потрепанной картой, на которой указаны лишь три основные территории: «Бей или беги», «Мы или они», «Правильно или неправильно». Понимание того, как эта карта работает, делает ее доступной для обывателя, который без этого знания мог двигаться по ней наугад.

Мы узнаем, что установленный мозгом по умолчанию режим распределения явлений на категории по принципу

«либо это, либо то» затрагивает все аспекты нашей жизни, применим к каждому суждению или решению, которое мы принимаем. Поймем, что такой способ мышления — наследие диких и героических предков, которое помогало им преодолевать трудности и выживать.

Опираясь на выводы из различных областей, от криминалистики до социальной и когнитивной нейробиологии, я предложу вам новую теорию социального взаимодействия, которую я называю теорией свехубеждения. Эта теория дорабатывалась, пока мир проходил через Брексит, правление Трампа, пандемию COVID-19 и распространение исламского фундаментализма.

Оценочные баллы, тон кожи и даже голосование, в котором нужно выбирать между кошками и собаками, — это градации серого. Чтобы понять, как в реальности различные элементы соотносятся друг с другом и взаимодействуют, мы должны научиться разбирать большие и аморфные конструкции на более мелкие составляющие. Во всеобъемлющей серости мы должны расчертить шахматное поле, по которому сможем двигаться, играть на нем и рассуждать, как рациональные шахматные фигуры, — действовать предсказуемо и согласно правилам.

В шахматы можно играть только на контрастной доске. Жизнь продолжается, потому что наш мозг — и черный, и белый. Но мудрость — в познании серого, в более глубоком понимании того факта, что мы, как когнитивные грессмейстеры, играем в эту игру, хотя ни самой доски, ни черно-белых квадратов на ней не существует.

И черным по белому написана древнейшая и самая могущественная истина, которую упустил Фредди Меркьюри. Фантазия, иллюзия — это тоже реальная жизнь. В реальности имеет значение *все*. По крайней мере, я так считаю.

Глава 1

Инстинкт делить все на категории

*Прогресс — это способность человека
усложнять простоту.*

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

Когда одним теплым летним утром в 2003 году Линн Кимси пришла на работу, она понятия не имела, что события предстоящего дня превратят следующие четыре года ее жизни в зловещный, запутанный и мрачный психологический триллер. В тот вечер, получив новую задачу, она ехала домой по автостраде как реальное воплощение доктора Пилчера, косоглазого любителя жуков из фильма «Молчание ягнят».

Ранее в том же году, воскресным утром 6 июля, женщина по имени Джоани Харпер, трое ее детей и ее мать, Эрнестин Харпер, посетили небольшую церковную службу в Бейкерсфилде в штате Калифорния. Это был значимый день для всей семьи. Для младшего ребенка Джоани, шестинедельного Маршалла, это был его первый визит в церковь. После службы семья пошла обедать в местную закусочную. Затем они отправились домой на послеобеденную сиесту, а потом плани-

ровали вернуться в церковь на вечернюю службу. Джоани и ее дети должны были лечь спать в дальней спальне, а ее мать — в другом конце дома.

По крайней мере, все должно было быть так. Но в тот вечер никто не видел семейство Харперов на службе.

Во вторник утром друг семьи, Келси Spann, решила навестить Джоани, ее мать и детей. Мало того, что они не явились в церковь в воскресенье вечером, но с тех пор их никто не видел и ничего о них не слышал. И Харперы не отвечали на звонки. С ними могло что-то произойти.

Келси подошла к боковой двери, чтобы войти в дом с ключом, который ей отдала Джоани на хранение. Но дверь не открывалась. Ключ повернулся в замке, но, похоже, что-то с другой стороны мешало ей открыться. Она подошла к задней части дома и попыталась войти в дом через стеклянную раздвижную дверь. К удивлению Келси, она смогла ее открыть. Это было очень странно: Джоани всегда проверяла эту дверь, чтобы убедиться, что она заперта. Келси вошла в дом и направилась в спальню подруги.

В 7 часов утра в тот вторник в полицию Бейкерсфилда поступил звонок на 911. Он поступил из дома 901 на 3-й улице — это был адрес Джоани. Сцена, ожидавшая правоохранителей по прибытии, шокировала даже самых опытных сотрудников полиции.

Джоани нашли лежащей на кровати лицом вниз. Она получила три выстрела в голову из пистолета под патрон 22-го калибра и два в руку, а еще — семь ножевых ранений.

Четырехлетнего Маркеса Харпера также нашли на кровати с широко открытыми глазами. Ему прострелили голову справа, а кончики пальцев правой руки ребенка были прокушены до кости. Следователи пришли к выводу, что Маркес прикусил их от страха: должно быть, мальчик увидел убийцу и инстинктивно засунул пальцы в рот.

Линдси Харпер, которой было всего два года, нашли у изножья кровати в маленьком синем платье, в котором она была в церкви. Девочку убили одним огнестрельным ранением в спину.

Эрнестин, мать Джоани, нашли в коридоре с двумя пулевыми отверстиями на лице — в нее стреляли с близкого расстояния. Рядом с ней лежал пистолет. Кем бы ни был злоумышленник, женщину явно убили, пока она оборонялась.

Наконец, Маршалла, шестинедельного сына Джоани, которого сначала считали пропавшим без вести, нашли рядом с матерью — его спрятали под подушкой. Мальчика убили выстрелом в спину, как и его сестру Линдси.

Вскоре в деле появился главный подозреваемый. Сорокалетний Винсент Бразерс, бывший муж Джоани Харпер, был значимым членом сообщества в Бейкерсфилде. Бразерс был семьянином, получил степень бакалавра в Государственном университете Норфолка и степень магистра педагогики в Государственном университете Калифорнии. Устроившись в местную начальную школу в 1987 году, за восемь лет он поднялся по служебной лестнице до заместителя директора.

Но у Бразерса была темная сторона. Хотя Джоани, безусловно, любила его и изо всех сил старалась сохранить отношения между ними в норме, они то прекращались, то снова продолжались. Первый разрыв случился в 2000 году, всего через месяц после того как они поженились. Однако позже в том же году Джоани родила Линдси, их второго ребенка. Бразерс не присутствовал на родах, как и при рождении их первого ребенка, Маркеса. В 2001 году брак расторгли: Бразерс говорил о неразрешимых разногласиях, а Джоани — о лжи супруга. Вероятно, на момент свадьбы она не знала о судьбе двух предыдущих жен Бразерса.

В 1988 году Винсента приговорили к шести дням тюремного заключения и условному сроку за жестокое обращение

со своей первой женой. В 1992 году он снова женился, но в следующем году его вторая жена подала на развод, заявив, что мужчина прибегал к насилию и угрожал убить ее. Затем, в 1996 году, в своем доме Бразерс сексуально домогался до сотрудницы школы, где только в прошлом году он занял пост заместителя директора. Согласно районным записям, женщина утверждала, что Бразерс затащил ее в свою спальню, избил и сфотографировал. Несмотря на то что она сообщила об инциденте местным властям, полиция отговорила ее предъявлять обвинения, поскольку Бразерс был «образцом для подражания всей общины».

В январе 2003 года в Лас-Вегасе Джоани и Бразерс поженились во второй раз. Но в апреле Бразерс уехал из дома из-за разногласий между ним и матерью Джоани, Эрнестин. В мае родился малыш Маршалл, и вот, шесть недель спустя, он умер.

Обвинение утверждало, что отношения между Джоани и Винсентом были нестабильными, а сам Бразерс не только был жестоким, но и не хранил верность супруге. Предполагаемые измены мужчины стали основой выдвинутых против него обвинений. Ранее высказывали предположение, что основным мотивом убийств была жадность: Бразерс не хотел поддерживать деньгами разрастающуюся семью.

Мужчину арестовали в апреле 2004 года, его обвинили в пяти тяжких убийствах первой степени¹. На суде Бразерс признал себя виновным.

Но у Винсента было алиби: его защита утверждала, что во время совершения убийств Бразерс был в другом штате, где навещал своего брата Мелвина, которого не видел десять лет.

¹ Согласно Своду законов США (*United States Code*), тяжкие убийства делятся на первую и вторую степень. К убийствам первой степени относятся тяжкие умышленные убийства, убийства при совершении поджога или побега, похищения, шпионажа, саботажа, убийства, отягченные сексуальным насилием и жестоким обращением с детьми, и другие деяния. — *Прим. ред.*

В качестве доказательств адвокаты предоставили договор об аренде автомобиля *Dodge Neon*, который позже конфисковали детективы, и несколько квитанций по кредитным картам о покупке вещей в магазине Северной Каролины в день убийства. Полиция и правда нашла Бразерса в доме его матери в Северной Каролине, чтобы сообщить о гибели его жены и детей.

Более подробное изучение операций по кредитным картам и анализ видеозаписей с камер в магазине доказали, что на самом деле покупки совершал Мелвин, брат Винсента, который присвоил карты себе и подделал чужую подпись. Несмотря на то, что обвиняемый действительно арендовал *Dodge* в Огайо, мужчина проехал на нем около 9000 километров, а этого более чем достаточно, чтобы добраться до Бейкерсфилда и уехать обратно к брату.

Однако все доказательства, которые приводило обвинение, были косвенными. Бразерс мог быть изменником, но это не делало его убийцей. А тот факт, что картами Винсента пользовался Мелвин, не доказывает, что его брат находился в тот момент на другом конце страны и убивал свою семью. Может быть, он просто ждал Мелвина на стоянке у магазина. А почти 9000 километров, которые Бразерс проехал на *Dodge*, он, в теории, мог преодолеть, даже не пересекая границ штата Огайо.

Для обвинения нужны были весомые факты. Один из жителей Бейкерсфилда сообщил, что видел Бразерса недалеко от дома Харперов примерно в то время, когда произошли убийства, но этот человек мог ошибаться. Случай был неприятным: все улики указывали на одного и того же человека, но не было весомых доказательств его вины, которые позволили бы закрыть дело. Помочь обвинению могли те километры, что Бразерс проехал на арендованной машине, и для этого нужно было связать воедино Винсента, убийства и асфальт.

Но как это сделать?

«Жучок», созданный природой

25 июля 2003 года два агента ФБР и офицер полиции Бейкерсфилда вошли в Музей энтомологии¹ Бохарта в Калифорнийском университете в Дэвисе с автомобильным радиатором в руках. На его решетке остались следы жуков, и агенты хотели узнать, каких именно. Конечно, жуки не были редкостью для Калифорнии, но, возможно, на радиаторе остались следы насекомых, типичных, к примеру, для Огайо или Северной Каролины.

Троицу приветствовала Линн Кимси, хрупкая серьезная женщина за сорок, профессор энтомологии Калифорнийского университета в Дэвисе и куратор музея. Кимси интересовалась биогеографией насекомых, в частности калифорнийских, а потому была единственным специалистом, который мог ответить на вопросы правоохранителей. Женщина осмотрела решетку и отнесла ее на анализ.

В прошлом году я зашел к Кимси, чтобы поговорить об этом деле. Почти два десятилетия спустя оно было еще свежо в ее памяти.

— В то время я понятия не имела, что на самом деле принимала участие в расследовании убийства, — сказала она мне, когда мы бродили по лабиринту тщательно промаркированных витрин с насекомыми глубоко в недрах музея. — Они не рассказали мне об этом, и, вероятно, не зря. Многие научные исследования лучше проводить вслепую, не понимая, какую конкретную головоломку пытаешься решить, — тогда процессу не мешают эмоции и ожидания. Это очень хитро: ты разгадываешь загадку и в то же время выступаешь в роли свидетеля-эксперта по делу об убийстве, даже не осознавая этого.

Мы остановились у витрины с надписью *Xanthippus corallipes pantherinus*. Кимси открыла ее.

¹ Энтомология — раздел зоологии, изучающий насекомых. — Прим. ред.

— Мы обнаружили 30 отдельных насекомых на различных участках радиатора, — сказала Линн. — Вернее, мы нашли их части: крылья, лапы, участки брюшка... И мы нашли следы шести насекомых, которые могли прояснить ситуацию.

Во-первых, на радиаторе были фрагменты двух жуков, которые, как мы знаем, живут только в восточной части Соединенных Штатов. На воздушном фильтре мы нашли жуков *Neocoryphus rubicollis*¹ и *Piesma brachiale*², или *ceramicum*, которые встречаются только в Аризоне, Юте и Южной Калифорнии. Еще там была большая золотая бумажная оса, *Polistes aurifer*, без нескольких крыльев и ног — она встречается в основном в Калифорнии, но ее видели даже на востоке, в Канзасе. А еще был этот маленький парень, *Xanthippus corallipes pantherinus*, кузнечик с красными ногами. Вернее, то, что от него осталось. Мы опознали его по одной из задних лапок: внутренняя часть голени была ярко-красной.

Кимси достала из витрины поднос и протянула мне. Я взглянул на насекомое через стеклянную крышку. Ноги кузнечика действительно были ярко-красными, словно тлеющие угольки.

— А откуда этот... красный кузнечик родом? — спросил я. Кимси улыбнулась.

— Он обитает не восточнее Канзаса и центрального Техаса. Автомобиль, которому принадлежал этот радиатор, когда-то находился на востоке Соединенных Штатов. Но в какой-то момент он проехал через регионы к западу от Колорадо. И это соответствовало теории о том, что Бразерс ехал на запад из Огайо по федеральной автомагистрали под номером 70 или 40. Он мог доехать до Бейкерсфилда.

Правоохранители были рады таким новостям. Жуки, оставшиеся на радиаторе *Dodge*, сработали как самое насто-

¹ Род семенных клопов семейства Lygaeidae.

² Род пепельно-серых листовых клопов, насекомых семейства Piesmatidae.

ящее устройство для отслеживания местоположения. Результаты исследования Кимси стали последним гвоздем в крышке гроба этого дела. Линн дала показания в верховном суде Бейкерсфилда, и 15 мая 2007 года присяжные признали Бразерса виновным в убийстве жены, троих детей и тещи.

Мы остановились у другой витрины. Там находилась *Acherontia styx*, бабочка с изображением черепа на голове из «Молчания ягнят». Кимси открыла витрину, достала из нее поднос и протянула мне.

— Судья отклонил вариант пожизненного заключения без права досрочного освобождения и приговорил Бразерса к смертной казни, — сухо сообщила она. — Сегодня он находится в Сан-Квентине в ожидании казни.

— И как вы к этому относитесь? Ведь ваши показания привели его туда.

Женщина пожала плечами.

— Я ничего не чувствую, — сказала она. — Он оказался в тюрьме, потому что сам совершил преступление. А я всего лишь сделала свою работу — разложила факты по полочкам.

Кошки против собак

В 2005 году, через год после ареста Бразерса, американский психолог по вопросам развития Лиза Оукс провела исследование в Университете Айовы. Она выяснила, как именно мы все, говоря словами Кимси, раскладываем по полочкам информацию. Оукс интересовало, когда мы начинаем разделять все на категории: является ли эта способность врожденным инстинктом или мы ее приобретаем в процессе взросления и обучения.

Женщина взяла группу четырехмесячных младенцев и показывала им в своей лаборатории фотографии кошек на двух экранах компьютеров, расположенных бок о бок. Кошек показывали одновременно по парам: одна была на экране слева,

а другая — справа. В течение 15 секунд, пока каждая пара находилась на экранах, наблюдатель записывал, сколько времени младенцы проводили, глядя на каждую кошку.

Но после того как младенцы начинали узнавать эти шесть пар животных, на что указывало сокращение времени уделенного им внимания, Оукс добавляла в тест фото кошки, которую дети еще не видели, или же фото собаки. Лиза предположила, что если бы младенцы дольше смотрели на собаку, чем на новую кошку, то это бы значило, что они увидели сильные отличия собаки от уже знакомых им кошек. То есть внимательное разглядывание собаки говорило бы о том, что мозг младенцев обрабатывает изображение нового существа иначе, относя его к новой категории. А если бы время изучения фото собаки не отличалось от времени, которое дети тратили на кошек, это бы говорило о том, что мозг младенцев рассматривает собак и кошек как единую категорию.

Результаты поразили Оукс. Несмотря на то что младенцы до этого имели минимальный контакт с собаками и кошками, им самим было всего четыре месяца и они еще не усвоили слова, обозначающие категории «собака» и «кошка», и даже несмотря на схожесть животных, у которых было четыре лапы, два глаза и хвост, дети дольше смотрели на изображения собак, чем на новые фотографии кошек. Мозг, которому всего четыре месяца, уже сортирует внешний мир по коробкам.

После обеда с профессором Кимси в Музее энтомологии Бохарта я отправился через кампус в Центр разума и мозга Калифорнийского университета в Дэвисе, где Оукс теперь возглавляет лабораторию по изучению когнитивной деятельности младенцев на факультете психологии. Мы встретились в приемной, и она устроила мне экскурсию. В лаборатории нашлось место и для мягких игрушек, пластмассовых животных, мячей и колокольчиков, и для осциллографов, шапочек электроэнцефалографа и установок для отслеживания взгляда.

Я рассказал Оукс о встрече с Кимси и о том, как ее исследование помогло поймать убийцу. Лизу эта история впечатлила. Но не думаю, что такие мелочи могут сравниться с мощностью ее мониторов в лаборатории, где показывали кошек и собак.

По словам Оукс, мир — сложное место. Когда мы появляемся в нем, все, что нас окружает, кажется «цветущей гудящей неразберихой», как однажды выразился отец западной психологии Уильям Джеймс. Поэтому человеческий мозг и начинает сортировать данные, поступающие в него, на отдельные потоки, различные категории. Глаза, носы и рты становятся лицами. Существа, которые лают, ржут или мычат, у которых есть четыре ноги и хвост, становятся животными.

— Только представьте, каким был бы мир, если бы наш мозг не мог формировать категории, — предложила Оукс. — Даже самые простые и обыденные вещи могли бы принести нам массу проблем. Допустим, вы приходите к другу, а он установил в саду новую систему полива растений. А у вас в мозге нет категории «поливочное устройство». Вам бы пришлось задуматься: «Что это за предмет посреди лужайки? Он опасен? Он может меня убить?»

Оукс предположила, что если бы у нас не было возможности разделять вещи и явления на категории, то, просыпаясь каждое утро, мы бы оказывались на новой планете. «Что такое фен? Он попытается напасть на меня? А как работает телевидение? Кто все эти люди внутри устройства и с кем они пытаются поговорить? Зачем нужна стиральная машина? Что бы засовывать в нее свою голову?»

Категории позволяют нам ориентироваться в мире, передвигаться от объекта к объекту, от человека к человеку предсказуемым и упорядоченным образом. Поэтому наша жизнь не похожа на бесконечную череду случайных, новых, но бессмысленных взаимодействий, а является контролируемым и целенаправленным процессом.

— Когда мы маленькие, мы воспринимаем мир в широких, общих категориях: понимаем, к примеру, что растения отличаются от животных. Затем постепенно, по мере того как оттачиваем навыки, мы учимся замечать и подкатегории. Мы видим цветы и деревья, собак и кошек, птиц и рыб. Больших и маленьких существ, приятных и не очень. А потом мы учимся замечать более мелкие различия. Мы способны отличать чихуахуа от лабрадора, персидских кошек от сиамских, лиственные деревья от хвойных и так далее.

Как утверждает Оукс, со временем люди становятся все более разборчивыми. И если сосредоточить все внимание, к примеру, на насекомых, можно превратиться в Линн Кимси, которая вынуждена перейти на латынь, когда на пороге ее дома появляется полиция.

Человеческий мозг стремится разделять предметы и явления на категории, чтобы избавиться от неопределенности и ориентироваться в реальности. Но какой уровень категоризации можно считать оптимальным для максимальной эффективности в повседневной жизни? Если люди развили инстинкт делить все на категории, чтобы упростить себе жизнь, то разве сортировка информации со страстью судебного энтомолога не может навредить?

Этот вопрос я поднял уже на другом континенте, беседа с профессором Майком Андерсоном, деканом факультета психологии и физических упражнений в Университете Мердока в Перте, на западе Австралии¹. Андерсон является одним из ведущих мировых экспертов по категориальному восприятию, в частности у детей.

Он объяснил мне, что мы разделяем мир на три разных уровня: верхний, базовый и нижний. И это позволяет нам подходить к вопросам присвоения категорий настолько тщательно, насколько мы сами этого хотим.

¹ После долгой и выдающейся карьеры в области когнитивной психологии Майк ушел из академической среды.

— Можно представить эту систему в виде генеалогического древа: более общие категории будут располагаться в нем наверху, а более конкретные — внизу, — предложил Андерсон. — Представьте, что я указываю вам направление и говорю повернуть направо в конце дороги у квадратной бетонной конструкции с дверью, четырьмя окнами и подъездной дорожкой, рядом с которой в саду находится лающее млекопитающее с четырьмя лапами, мехом и хвостом. Вы бы подумали, что я немного странный. Ведь проще сказать, чтобы я повернул направо у дома с собакой. Когда я говорю слова «дом» или «собака», ваш мозг автоматически может дорисовать картину. Ему не нужны прочие детали.

С другой стороны, я мог бы сказать: «Поверните направо у жилища ремесленника с мансардой и узорчатой плиткой, рядом с которым бегают бергамская овчарка». Вы бы снова подумали, что я сумасшедший. В этом случае я дал слишком конкретное описание. Меня бы смог понять только архитектор, который разбирается в редких породах собак, да и тот бы подумал, что я веду себя странно.

В обычном разговоре мы выбираем базовые и общеизвестные категории, потому что они позволяют нам экономить время и эффективно общаться. Именно ради этого мы и развили свою способность все классифицировать. По словам Андерсона, категории базового уровня являются наиболее оптимальными в повседневной жизни.

— Спросите, например, четырехлетнего ребенка, будет ли теленок мычать, если его вырастили среди свиней, и он ответит да. Даже в четыре года дети понимают, что детеныш животного вырастет и приобретет черты остальных животных своей категории вне зависимости от внешних условий. Спросите детей, будет ли дикобраз, внешне похожий на кактус, оставаться дикобразом, и они ответят утвердительно. Ведь черты, согласно которым животное когда-то отнесли к дикобразам, не изменятся.

Разделение явлений, живых существ и предметов окружающего мира по базовым категориям — своего рода путеводная звезда для человека. С самого раннего возраста дети способны видеть различия между такими понятиями, как «корова», «свинья», «дикобраз», не опираясь исключительно на внешние признаки и делая выводы о том, какие характеристики могут объединять разных животных. И, кажется, дети понимают, что базовые категории — нечто постоянное. Например, они знают, что коровы будут мычать, даже если вырастут среди свиней.

— Конечно, в повседневной жизни лучше всего использовать базовые категории. Но в то же время представления о повседневной жизни у всех разные. Согласно исследованиям, чем больше мы знаем в той или иной области, тем чаще будем использовать специальные, более конкретные категории. Поэтому эксперты, которые могут разобрать какое-то явление до мельчайших деталей, будут считать используемые в повседневном разговоре категории оптимальными, в то время как сторонний наблюдатель ничего из их беседы не поймет¹.

¹ Есть основания полагать, что этот принцип может также распространяться на то, насколько хорошо мы себя знаем. Американский когнитивный психолог Лиза Фельдман Барретт ввела термин «эмоциональная гранулярность» для обозначения ярких индивидуальных различий, которые существуют в нашей способности выражать чувства словами: разделять на категории «первичные» или «базовые» эмоции, такие как гнев, страх и счастье. Люди с низким уровнем эмоциональной гранулярности обычно используют такие слова, как «сердитый», «грустный» или «испуганный», когда описывают свою реакцию на расстраивающие или неприятные события, а такие слова, как «счастливый», «взволнованный» или «спокойный», чтобы запечатлеть положительные эмоции. Другими словами, их лексикон менее разнообразный. С другой стороны, люди с высокой эмоциональной гранулярностью используют гораздо более богатый словарный запас при обозначении своих чувств: они категоризируют свои эмоции на нижестоящем, а не на базовом или вышестоящем уровне, опираясь на подкатегории первичных эмоций, таких как стыд, вина и сожаление.

Возьмем, к примеру, биологию. Любому живому существу можно присвоить категорию принадлежности к царству, типу, классу, подклассу, семейству, роду и виду. Для биологов оптимальным уровнем является род, несмотря на то что многим людям показались бы удобнее категории вида.

— Слово «собака» на самом деле описывает определенный вид — *Canis familiaris*, относящийся к роду *Canis*, — рассказал Андерсон. — К этому роду также относятся волки, *Canis lupus*, и койот, *Canis latrans*. Поэтому, когда мы говорим об оптимальном уровне категоризации, мы должны проявлять осторожность. Использование тех или иных понятий зависит от контекста.

Именно поэтому теплым летним утром 2003 года представители ФБР ворвались в Музей энтомологии Бохарта с поврежденным автомобильным радиатором. Исключительные обстоятельства требовали исключительной категоризации.

Глава 2

Уйма проблем

Все непрерывное делимо на части, всегда делимые.

АРИСТОТЕЛЬ

В октябре 2004 года Пол Синтон-Хьюитт чувствовал себя не лучшим образом. Его уволили с хорошо оплачиваемой работы в сфере маркетинга, а еще он получил травму, пока тренировался перед лондонским марафоном. Пол был у физиотерапевта, и тот покачал головой: колени быстро не восстанавливаются. В итоге мужчина отказался от участия в марафоне, засел в пабе и немного задумался. Без работы и без возможности участвовать в забеге он чувствовал себя подавленным. Как жук, намертво присохший к решетке радиатора.

15 лет спустя мы с Полом встретились в том же пабе — он находится недалеко от бегового клуба в Чимонде, членами которого мы оба являемся.

— Я мог бы слоняться по дому, жалея себя, и стать жертвой, — сказал Пол. Он добрый, крепкий, седой и тихо разговаривает. — Но еще я мог воспользоваться возможностью сделать что-то значимое, чтобы изменить жизни других людей, пока не знал, что делать с собственной.

К счастью, Пол решил не сдаваться. 2 октября 2004 года 13 одетых в лайкру недовольных «революционеров» собрались в парке Буши на юго-западе Лондона ровно в 8:45 утра, чтобы пройти или же пробежать дистанцию в 5 километров.

— Сначала там занимались только я и мои друзья, — объяснил Пол. — Я организовал для них пробежку по местному парку, пока завис в неопределенности. Я бы не сказал, что тогда у меня было какое-то видение будущего, но в глубине души я хотел заниматься чем-то веселым, социальным и бесплатным — чем-то, что побуждало бы людей любого возраста и с любыми физическими способностями регулярно заниматься спортом, вести более здоровый и активный образ жизни.

16 лет, 715 локаций, 166 896 соревнований, 34 853 835 индивидуальных пробежек и 174 269 175 преодоленных километров¹. Теперь паркраном² субботним утром занимаются все — от неизлечимо больных и выздоравливающих после серьезных болезней людей до знаменитостей и олимпийских золотых медалистов, которые вписали пробежки в свой график и сделали их частью своих фитнес-программ. Паркран стал международным феноменом — им занимаются в Австралии и Японии, в Сингапуре и Эсватини.

Паркран появился в том же году, что и *Facebook*, но не думаю, что Марк Цукерберг и Пол Синтон-Хьюитт планировали в конечном итоге стать ближайшими соседями.

— Многие зарабатывают кучу денег на беге, но иногда это совершенно неуместно, — сказал мне Пол. — Я хотел все изменить. Каждый имеет право делать то, что хочет. Особенно

¹ Эти статистические данные верны на момент написания и относятся только к паркрану в Великобритании. Но с каждой неделей статистика растет.

² Паркран (от англ. *parkrun*) — система еженедельных пробежек, в рамках которых участники должны пробежать 5 километров. — Прим. ред.

бегать! Вот я и подумал: зачем брать за это деньги? Зачем заставлять людей платить за что-то настолько простое и естественное?

Но в 2017 году окружной совет Сток Гиффорда, небольшой деревни в северном пригороде Бристоля, на юго-западе Англии, решил порвать с традициями паркрана и начал брать деньги за бег. По словам председателя совета Эрнеста Брауна, мероприятие, проходившее в соседнем Литтл Сток в течение трех лет, стало жертвой собственного успеха. Сначала в пробежках участвовало несколько десятков человек, но потом к еженедельному паркрану присоединилось несколько сотен. 300 человек, которые пробегают по одной и той же дороге каждое субботнее утро, повлияли на ее «преждевременный износ», объявил тогда Браун. Видимо, у его коллег действительно не было другого выхода, и они начали просить участников забега вносить «небольшую денежную сумму на содержание дороги».

В штаб-квартире паркрана зазвонили тревожные колокола. Этот прецедент мог разрушить основополагающие принципы таких пробежек. К большому разочарованию Пола, мероприятия тогда отложили.

— Совет не понимал главную идею паркрана — пробежки должны быть бесплатными, — сказал он мне, и, видимо, эта история его все еще беспокоит. — Если одна группа людей должна будет платить, пусть даже по одному фунту стерлингов, а все остальные участники движения — нет, к чему это может привести?

Разразился скандал. Преждевременный износ, как пришли к выводу несколько ученых-физиков, был незначительным. Если бы ноги спортсменов каждое субботнее утро сдавливали асфальт в Литтл Сток на 1^{-20} миллиметров за забег, то это привело бы к снижению высоты покрытия на толщину сигаретной бумаги к моменту наступления следующего ледникового периода. Очевидно, это небольшая цена, которую

стоит заплатить за повышение субъективного качества жизни участников забега и за те выгоды для здоровья, которые несет паркран.

Мы с Полом перешли в обеденную зону паба, чтобы перекусить. Я сказал своему приятелю, что в этом случае возникают скорее метафизические, чем физические трудности. В какой именно момент пробежка перерастает в неконтролируемое действие и может принести окружающим неудобства?

Когда-то группа Пола и его друзей состояла из 13 человек и вряд ли могла повлиять на благосостояние округа Сток Гиффорд. Но вот легион из 400 человек эта местность уже вряд ли выдержит. Разницу между 13 и 400 человек легко заметить. Между 50 и 350 участниками — тоже. Но есть ли существенная разница между 175 и 225 бегунами? Или между 195 и 205? А как насчет разницы между 199 и 201?

Пол ответил мне, что в паркране могут участвовать до 300 человек, и этот лимит определяют сами бегуны, а не местные власти. Судя по отзывам, которые Пол получает, когда количество участников начинает приближаться к отметке 300, людям, как правило, толпа начинает казаться слишком плотной. Я спросил Пола, смогли бы люди почувствовать существенную разницу, если бы в парке бежал сразу 301 человек, но Пол лишь пожал плечами в ответ. Он понимает, что установить границы сложно, но какой-то лимит все же должен быть.

Я тоже понимаю, что провести черту необходимо. Но чем больше человек всматривается в детали, тем больше снижается аналитическая ясность его мышления.

Эта проблема не нова. Например, ветхозаветная библейская история в Книге Бытия демонстрирует, что сам Бог порой находится в том же положении, что и уважаемые старейшины округа Сток Гиффорд.

Жители Содомы и Гоморры занимались определенными практиками, которые злили доброго пастыря. И Бог был на-

столько зол, что решил проучить идолопоклонников, стерев их города с лица земли. Авраам, сочувствующий простым людям, выразил серьезные сомнения по поводу запланированного Богом вмешательства. Если кто-то готов принимать такие серьезные решения о чужой жизни и смерти, нужно понимать, что где-то придется провести черту.

Согласно Книге Бытия, Авраам умудряется убедить Бога не разрушать города, уничтожая благочестивых вместе с нечестивыми, а дать людям возможность жить, пока в Содомах и Гоморре остаются несколько невинных и добродетельных душ. Торг начинается с 50 человек, и это количество сокращается по мере неутомимого торга Авраама с 45 до 40, затем до 30, до 20, до 10. Этот лимит все еще кажется необоснованным, но, видимо, в этой точке Авраам решил сдаться.

Так где же провести черту? Ответ прост: вы не сможете этого понять. Каждый бросок черно-белых костей несет проигрыш. Неужели нам действительно нужно избавиться от участника забега, если его присутствие приведет к превышению лимита в 300 бегунов, и тогда всем придется заплатить по фунту ради удовольствия пробежаться в компании единомышленников? Неужели города нужно выжигать, если один хороший парень решит уехать, оставив в рядах избранных девятерых невинных?

12 марта 2020 года главный советник премьер-министра Великобритании Доминик Каммингс пересмотрел свои взгляды. Он проанализировал события, разворачивающиеся в Италии на фоне пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, и решил воздержаться от пропаганды стратегии развития так называемого коллективного иммунитета в пользу политики беспрецедентного социального дистанцирования.

Сторонники коллективного иммунитета придерживаются мнения, что пандемиям следует дать возможность развиваться своим чередом, чтобы позволить значительной (более молодой) части населения сформировать невосприимчивость

к болезни и тем самым предотвратить катастрофическую вторую волну заболеваемости. Стратегическое управление вспышками, как отмечают сторонники такой политики, сводит к минимуму ущерб для экономики, так как позволяет большому количеству людей оставаться на работе, но, по общему признанию, подвергает наиболее уязвимых членов общества, то есть пожилых людей и тех, кто уже страдает от хронических заболеваний, повышенному риску смерти и тяжелого протекания болезни.

Важно отметить, что власти Великобритании категорически опровергали любые утверждения о переключении на план коллективного иммунитета, первоначально появившиеся в статье в воскресной газете *Sunday Times*, называя их «клеветнической фальсификацией». Но давайте на мгновение поставим себя на место Каммингса. Мы на встрече, которая изменит лицо британского общества на поколение вперед. Если бы вы столкнулись с выбором, какой политики придерживаться, какое число заболевших стало бы значимым для принятия того или иного решения?

По словам высокопоставленных лиц — профессора Криса Уитти, главного врача Великобритании, и сэра Патрика Валланса, главного научного советника, — власти ожидали, что на той неделе число погибших от COVID-19 составит около 100 000 человек, писали в прессе. Затем чиновники осознали, что эта оценка опасно консервативна.

«Без преуменьшений, количество смертей составило 510 000, — указывал источник *Sunday Times*. — Нам говорили, что стоит ожидать 250 000. Как только вы увидите такие числа, причиной которых стало бездействие, вы невольно зададитесь вопросом, что делать дальше».

Но что, если бы умерло только 50 000 человек? Или 5000? Или только пять? Должны ли власти позволять умирать своим гражданам в погоне за экономической стабильностью? И если должны, то спросу еще раз — где провести черту?

Песчаная буря

Еще в мае 2012 года, наблюдая с трибун стадиона «Этихад» в Манчестере за футбольным матчем, доктор философии Радж Сегал стал свидетелем того, как тогдашний игрок английского клуба *Queen's Park Rangers* Джоуи Бартон пытался помешать претендентам на титул чемпиона. Джоуи пихнул Карлоса Тевеса локтем в лицо, ударил Серхио Агуэро по задней части ноги, а затем попытался ударить головой Винсента Компани, за что его удалили с поля и отстранили от следующих 12 матчей.

Ошеломленный, потрясенный и заинтригованный в равной мере, Радж решает связаться с Джоуи. Бартон в то время любил цитировать Ницше, и пресса ухватилась за это. Возможно, размышляя Радж, более глубокое понимание основных философских принципов могло бы сделать жизнь футболиста лучше. Или, по крайней мере, помогло бы ему понять разницу между футболом и смешанными единоборствами.

К большому удивлению Раджа, Джоуи ответил на его звонок и сказал, что не против узнать о философии больше. Несколько недель спустя Джоуи стал регулярно появляться в кампусе Университета Рохэмптона в Лондоне, на уроках философии на факультете, который несколькими годами ранее основал Радж. Это было немыслимо. Радж превращал «самого плохого человека в футболе», как его однажды описали в газете *The Times*, если не в самого мудрого, то, возможно, в самого просвещенного.

Я впервые встретился с Раджем в подвале студии звукозаписи в центре Лондона, где я стал гостем на подкасте Джоуи под названием *The Edge*¹. А Радж, оставивший свои университетские обязанности около года назад, занимал в проекте должность исполнительного продюсера и покручивал ручки

¹ *The Edge* (пер. с англ. «Граница») — подкаст Джоуи Бартона о спорте, политике и музыке, который выходил в 2018 году. — *Прим. ред.*

и ползунки за стеклом. Тема нашего разговора — темная сторона таланта. Тема, на которой я специализируюсь. Мы все сразу нашли общий язык.

Несколько недель спустя мы начали исследовать область, которую решили назвать иммерсивной философией. Мы сидели и болтали за ужином в ресторане на Лестер-сквер. Наша первая сессия была посвящена Эпикуру и проходила настолько неплохо, что мы даже подумали посвятить все будущие сессии этому исключительно пронизательному человеку. Ближе к концу встречи Радж спросил меня, над чем еще я работал в тот момент. Я рассказал ему о черно-белом мышлении.

— Что ж, мы должны где-то проводить линии, — сказал он тогда. — Иначе нам было бы непросто не только что-то заканчивать, но и начинать.

Я согласился и рассказал историю Линн Кимси и ее однолапого кузнечика. Я сказал Раджу, что Кимси удалось доказать вину Винсента Бразерса, потому что она умела разбираться в насекомых как энтомологический ниндзя. Она могла прочертить четкие границы между видами, и это было началом кончины Бразерса. А еще я рассказал Раджу про паркран и лимит участия в пробежках. Я вновь задался вопросом, когда именно нечто обыденное становится важным событием, а черное превращается в белое.

Радж посмотрел на меня, будто я только что отрастил еще одну голову (учитывая ситуацию, это было бы весьма кстати).

— Дорогой мальчик, ты когда-нибудь в своих интеллектуальных путешествиях сталкивался с парадоксом кучи? — спросил он меня. — Думаю нет, но все в порядке. У тебя не было на то причин. Напомни, что ты сказал, когда мы впервые встретились? Ах да, ты сказал, что философия — просто психология без финансирования. Да, чему же, в таком случае, философия может научить психологию?

Парадокс кучи — один из самых дьявольски непостижимых парадоксов, который когда-либо придумывал человек.

Он оказался настолько неприступным, что даже сейчас, примерно через два с половиной тысячелетия после его появления, все еще идут споры о том, как его решить. Загадку придумал малоизвестный древнегреческий философ по имени Евбулид, современник Аристотеля, а название она получила от греческого слова *Soros*, что означает куча.

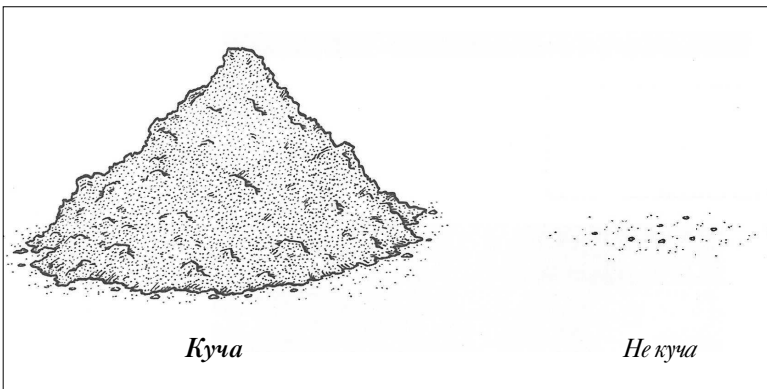
Взгляните на изображения 2.1a и 2.1b ниже. На изображении 2.1a нарисована куча песка. На изображении 2.1b — нет.

Пока все идет нормально. Но предположим, что теперь мы согласны с тем, что верны следующие два предположения:

1. Одна песчинка не является кучей.
2. Добавление песчинки не образует кучи.

Внезапно нас сбивает с толку следующая цепочка близких по логике утверждений:

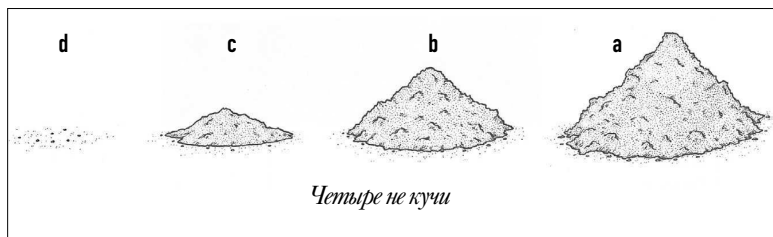
1. Одна песчинка не образует кучи.
2. Две песчинки не образуют кучи.
3. Три, четыре или пять песчинок не образуют кучи... и так далее.

Изображение 2.1a. Куча. Изображение 2.1b: Не куча.

Это означает (см. изображение 2.2 ниже), что с чисто логической точки зрения ни один из приведенных примеров, включая рисунок 2.2d (наша первоначальная куча на рисунке 2.1a) не представляет собой кучу, поскольку в рамках всего пространства как известной, так и неизвестной вселенной нет точного определения количества песчинок, необходимого или достаточного для образования одной кучи. Изображения 2.2c и d могут выглядеть кучей по сравнению с изображениями 2.2a и b. Но мы не можем назвать их кучей, потому что если мы начнем с рисунка 2.2a и будем добавлять к этим песчинкам по одной раз за разом, то, рассуждая логически, если добавление одной песчинки не приводит к образованию кучи, куча никогда не сможет появиться.

Парадокс кучи на протяжении многих лет причинял философов немало головной боли. Ясно, что на рисунке 2.1a изображена куча песка, а на рисунке 2.1b — нет, вне зависимости от математических подсчетов. Но именно тогда, когда мы начинаем уходить от простых куч песка и начинаем заниматься более «серьезным» делом, полным эмоциональных суждений, ставки, как мы уже видели на примере паркрана, становятся заметно и ощутимо выше. Давайте заменим песчинки и кучи, например, жизнью и смертью и вступим в дискуссию об эвтаназии. Существует очевидная разница между британским серийным убийцей, терапевтом Гарольдом Шипманом, который делает смертельную инъекцию ничего не подозревающему

Изображение 2.2a, b, c и d

пациенту¹, и отчаявшимся, скорбящим мужем, который делает то же самое своей измученной болью, смертельно больной жене сорока лет.

Кто-то скажет, что убийство есть убийство. Но разница все же есть. Как и разница между смертью от передозировки наркотиков и смертью от рака легких, к которому привело курение. Первый случай может стать следствием единичного акта безрассудства, а второй — коварного и затяжного акта смертельно опасного причинения вреда самому себе.

Жизнь складывается из песчинок. Но наше внимание привлекают только кучи.

Сейчас у многих возникает соблазн игнорировать парадокс кучи как какую-то чепуху, но не замечать его не так-то просто. В 1834 году, примерно через два с половиной тысячелетия после того как Евбулид начал считать свои песчинки, немецкий врач Эрнст Генрих Вебер, которого многие также считают основоположником экспериментальной психологии, обнаружил порог различий между явлениями — минимальную единицу того, насколько должен измениться тон, оттенок или физическое ощущение, чтобы человек осознал, что что-то изменилось.

Этот порог относится ко всем пяти органам чувств. Вебер описал его в следующем законе:

$$\frac{\Delta I}{I} = k$$

I — интенсивность стимула в один момент времени, ΔI — пороговая величина увеличения, необходимая для получения заметного изменения (порог различения) в следующий момент времени, а k — соотношение между ними, которое остается постоянным для любой единицы во всех случаях изменения конкретного рассматриваемого стимула.

¹ Такова была судьба по крайней мере 15 пациентов, находившихся на попечении Шипмана. По этим эпизодам врача признали виновным в 2000 году, но, вполне возможно, у него было около 250 жертв.

В качестве примера возьмем звук. Допустим, я должен представить вам один непрерывный звук громкостью в 50 децибел ($I = 50$), а затем медленно увеличивать громкость. Представим, что мне нужно увеличить уровень звука на 5 децибел ($\Delta I = 5$), чтобы вы заметили, что громкость изменилась. В этом случае порог различения будет составлять 5 децибел, а отношение (k) между начальным уровнем звука и порогом различения будет $5/50 = 0,1$. Используя эту информацию, я могу предположить, что если бы мы начали, например, со звука громкостью в 70 децибел, то мне пришлось бы увеличить его на 7 децибел ($7/70 = 0,1$), чтобы вы заметили разницу.

Закон Вебера имеет большое значение как для философии, так и для биологии. С точки зрения эволюции, человеку было необходимо выработать механизм, с помощью которого он будет фиксировать изменения вокруг, потому что этот механизм мог помочь ему выжить. Но когда дело касается кучи песка, все становится несколько сложнее. Мы можем отметить точки, в которых состояние объекта меняется, объединить их в график и заметить, что значения в начале и в конце очень сильно отличаются. Но отличия между двумя соседними точками на графике будут минимальными. Пока минутная стрелка на часах движется от одного деления к другому, мы не чувствуем никаких изменений, но вот стрелка делает целый круг, и мы понимаем, что прошел час.

Еще в 1990 году американский философ Уоррен Куинн столкнулся с Евбулидом и Вебером лицом к лицу, изучая парадокс самоистязания. Представьте, что у меня есть портативное устройство, которое позволяет мне пускать электрический ток по вашему телу, наращивая мощность настолько медленно, что вы не можете почувствовать разницы. У устройства 1001 настройка: на делении с цифрой 0 оно выключено, а при включении на отметке в 1000 оно причиняет мучительную боль. Допустим, я прикрепляю к вам устройство и предлагаю сделку. Вы должны каждую неделю поднимать мощность тока на один уровень, и за это будете получать 10 тысяч фунтов стерлингов.

Но вы не сможете вернуться даже на одно деление назад. Если вы поймете, что не можете вынести боль, вы не сможете отказаться от накопленных денег и будете обязаны продолжать страдать от боли до конца жизни. Вы бы приняли такой вызов?

Уверен, что-то подсказывает вам, что нужно быть сумасшедшим, чтобы согласиться на такое. С другой стороны, парадокс кучи накладывает свои чары: неважно, на сколько уровней вы повысите мощность тока, ведь эти песчинки никогда не превратятся в кучу. Боль останется болью.

По сей день Радж Сегал все еще очень доволен собой. Он был прав. Парадокс кучи — это проблема паркрана, Содома и Гоморры. Мы не можем сказать, когда количество выкуренных сигарет, съеденного мороженого, выпитых коктейлей или набранных килограммов станет критичным. Еще один бургер или шот джина не навредят, так ведь? Часто серьезные проблемы возникают годами, и мы можем не замечать опасности, что вот-вот появится на горизонте. Поэтому нам и нужны границы и рамки.

Когда я пытаюсь понять, как этот парадокс влияет на повседневную жизнь, я думаю не только о последствиях злоупотребления сладким или фастфудом.

Около двух с половиной тысяч лет назад, в «Государстве» Платона, греческий философ Сократ сравнил общество с толпой связанных людей, сидящих в пещере, которые могут смотреть лишь прямо перед собой. Они сидят спиной к огню и видят тени на стенах. Они думают, что именно так и выглядит реальность, в то время как она состоит из подлинных вещей, которые отличаются от расплывчатых силуэтов.

Я считаю, что аллегория Сократа ошибочна. На самом деле это реальность нестабильна и неясна, а не человеческое восприятие, у которого, конечно, есть свои недостатки. Мы делаем реальность «чище», проводя границы между явлениями благодаря врожденной склонности категоризировать. Мы видим закономерности и карикатурно изображаем то, что нас

окружает. Мы рисуем линии на песке, чтобы отделить значимое от незначительного.

Способность самостоятельно определять границы приносит проблемы, особенно в моменты, когда нужно принять важное решение. Возьмем, к примеру, сферу медицины. «Чтобы оставаться здоровым, нужно больше спать», — гласит один из заголовков в СМИ. «Забудьте о восьмичасовом сне: чтобы выспаться, человеку нужно всего шесть часов», — кричит другой. Баннер с надписью «Стресс отнимает у вас годы жизни» противопоставляют баннеру «Стресс может быть полезен для вас». «Медицинские маски не могут помешать здоровым людям заболеть COVID-19» — «Борис Джонсон утверждает, что британцам следует носить маски, когда страна выйдет из режима изоляции». Так работают средства массовой информации: они используют яркие заголовки, чтобы зацепить наше внимание. Они предлагают нам противоречивую информацию, влияя на то, где мы проведем границу между правдой и ложью.

Чтобы занять определенную точку зрения и доказать ее правдивость, нужно собрать весомые аргументы и изучить их, сформировать ядро основополагающих тезисов и принципов, на что может уйти очень много сил и времени. Но когда времени не хватает, проверенная и кропотливо отобранная информация теряет свою привлекательность на фоне яркого утверждения, построенного по принципу «все или ничего». Так устроен наш черно-белый мозг.

Нас тянет к уже готовым выводам в пестрой обертке, и в будущем это стремление может привести к катастрофе. Мир наших предков вполне мог быть черно-белым, но сейчас окружающая нас реальность стала серой. Мы проводим границы, чтобы создать контраст, потому что можем отличить белое от черного, только противопоставив их. Но чем ярче этот контраст, тем меньше мы погружаемся в детали. А это может привести к ошибочным суждениям.

Глава 3

Когда сталкиваются категории

*Свет существует только в присутствии
тьмы, а истина — в присутствии лжи.
Противоположности наполняют нашу жизнь,
делая ее опьяняющей. Мы живем в рамках
конфликта, в зоне столкновения черного и белого.*

ЛУИ АРАГОН

13 ноября 1999 года в Цезарь-Палас в Лас-Вегасе британский боксер Леннокс Льюис победил американца Эвандера Холифилда и стал абсолютным чемпионом мира в тяжелом весе. Поединок длился полные 12 раундов, и судьи единогласно присудили победу Льюису. Когда объявили результат, британцы сошли с ума. Победа была особенно приятной, потому что всего восемь месяцев назад в Мэдисон-Сквер-Гарден в Нью-Йорке в бою с тем же соперником спортсмена-британца лишили титула со скандалом.

На ринге, забитом охранниками, представители прессы и фанаты столпились вокруг Льюиса, чтобы поздравить его. Многие

из присутствующих, в том числе промоутер¹ Холифилда, самопровозглашенный король бокса Дон Кинг², были одеты в строгие вечерние костюмы согласно традициям. Но один человек выделялся из толпы: Фрэнк Мэлони — низкорослый, дерзкий, болтливый менеджер Льюиса — появился перед толпой и зрителями телетрансляции в костюме цветов флага Великобритании.

Этот костюм стал его фишкой: обычно Фрэнк надевал его на большие боксерские события. Во многих отношениях он идеально ему подходил, являясь воплощением его самого — упрямого, бесстрашного и бесстыдного шоумена. Более трех десятилетий Фрэнк был одним из крестных отцов спорта и чувствовал себя в своей тарелке в прокуренных комнатах, наполненных запахом пота тренажерных залах, в объятиях моделей, всегда готовый отпустить мачистскую колкость, уместную только для мужской раздевалки.

Спустя полтора десятилетия после той наполненной тестостероном ночи, когда Фрэнк стал первым менеджером абсолютного чемпиона мира в тяжелом весе из Великобритании (достижение, которое смог достичь только недавно менеджер Тайсона Фьюри³), я встретился с ним в ресторане в графстве Кент. Пестрый костюм остался в прошлом: ко мне пришла Келли, одетая в красное платье от *Donna Karan* и серый кардиган, в черных туфлях от *Jimmy Choo* и сумкой темно-синего цвета от *Moschino*. Ни один волосок не выбивался из ее рыжеватого-блондинистого каре.

— Я всегда чувствовала, что родилась не в своем теле, — сказала она голосом Фрэнка. — Всегда, сколько я себя помню.

¹ Промоутер в боксе — человек, который занимается всеми организационными и финансовыми вопросами того или иного турнира или вечера. — *Прим. ред.*

² Дональд Кинг — американский боксерский промоутер, организатор известных боксерских поединков, известен как человек, приложивший руку к взлету и падению Майка Тайсона. — *Прим. ред.*

³ Тайсон Люк Фьюри — непобежденный британский боксер-профессионал, выступающий в тяжелой весовой категории. — *Прим. ред.*

Но я была уверена, что никогда не позволю этому ощущению победить меня. Да, я думала, что столкнулась с опасным противником, которого не могла отправить в нокаут, но пыталась держаться от него на расстоянии вытянутой руки.

Конечно, она не могла никому рассказать об этом.

— Они бы забили меня как скот. Они заставили бы меня ходить по рингу в бикини в начале каждого раунда, показывая номер. Я могла поговорить только с терапевтом, который был у меня на быстром наборе. Помню, как однажды я была очень зла и крикнула в трубку: «Никогда не называйте меня транссексуалом!»¹ А мне ответили: «Но это тот, кто ты есть, Джон»². Я спросила: «С чего вы взяли?» А в ответ услышала: «Потому что ты продолжаешь мне звонить!»

Келли рассказала, что, пока она была Фрэнком, она заходила в женские магазины, покупала одежду, а затем паниковала и выбрасывала ее, даже не примерив. Так она выпускала пар, но ей все еще было страшно.

— Теперь я женщина, и многие это приняли. Я помню, как впервые столкнулась с промоутером-конкурентом вскоре после того, как начала менять пол. В восьмидесятые и девяностые мы довольно часто встречали друг друга. На мне было длинное платье, туфли на шпильке и парик. И он сказал мне: «Хрена себе, Фрэнк, а ты изменился!»

Я впервые встретил Келли примерно за год до этого, когда мы вместе принимали участие на мероприятии *talkSPORT*³ в Лондоне. Я удивил ее своим умением анализировать бои, а она удивила меня своими знаниями о психопатах («Это все

¹ Транссексуальность — состояние, при котором гендерная идентичность человека не соответствует зарегистрированному при рождении полу, характеризуется стремлением жить как представитель идентифицируемого пола или гендера. — *Прим. ред.*

² Даже по телефону Келли не использовала свое настоящее имя, чтобы ее не раскрыли.

³ *talkSPORT* — одна из крупнейших спортивных радиостанций в мире. — *Прим. ред.*

30 лет в боксе!»). После мероприятия она спросила меня, над чем я работаю, и я сказал, что меня интересует то, как человеческий мозг классифицирует явления окружающего мира.

Я упомянул в нашем разговоре Аристотеля. Около 2,5 тысячи лет назад греческий философ был одним из первых мыслителей, написавших о категориях, и стал одним из основоположников классической теории категоризации. В нее входят четыре базовых тезиса, и два из них привлекли мое внимание.

Во-первых, Аристотель предположил, что между категориями существуют фиксированные и четко определенные границы без серых областей, что противоречило парадоксу кучи, о котором я узнал. То есть мыслитель считал, что не существует такой вещи, как что-то среднее между кучей и не кучей. Кучи песка либо были, либо их не было.

Во-вторых, Аристотель считал, что объект, входящий в категорию, должен отвечать определенным критериям, в соответствии с которыми и сформировали категорию. И ни один из этих критериев не мог быть более значимым, чем другие¹.

Когда я закончил, Келли достала из своей сумочки предварительное издание своей автобиографии «Откровенно, Келли»².

¹ Два других тезиса заключаются в том, что все члены категории имеют равный статус (то есть помидор — такой же плод, как и яблоко); и, как только установили все необходимые критерии для включения в категорию, их становится достаточно для включения чего-либо соответствующего в категорию. Никаких дополнительных черт не требуется. Рассмотрим возможные «необходимые» и «достаточные» характеристики для включения в категорию «певец». Совершенно очевидно, что «хороший голос» не является критерием для входа, но способность не фальшивить — это необходимость. Хороший голос не является достаточным критерием, потому что есть люди, у которых действительно хороший голос, но они могут фальшивить. Вывод? Способность не фальшивить — это необходимое и достаточное свойство для категории «певец», в то время как хороший голос — нет.

² Оригинальное название книги — *Frankly Kellie: Becoming a Woman in a Man's World*. — Прим. ред.

— Если вам нужен альтернативный подход, — сказала она, хлопнув книгой по столу, — возможно, это вам пригодится.

— Знаете, Келли, вы бы стали причиной адской головной боли для Аристотеля, — ответил я.

Она засмеялась.

— За эти годы я доставила многим людям головную боль, приятель. Но меня это не волнует.

Она не ошиблась. И вот, 12 месяцев спустя, мы встретились вновь, и классическая теория категоризации подверглась большему натиску, чем Холифилд в Вегасе.

— Знаете ли вы, — спросила Келли, — что *Facebook* предлагает пользователям выбор из около 70 видов гендера?

Я ответил, что уже знаю.

— Нынешнее разнообразие не может стать опорой для черно-белого лобби, не так ли?

Я согласился с Келли. И добавил, что классическую теорию категорий сегодня по большей части уже опровергли. А усилия бесстрашного и азартного психолога из Университета Беркли Элеоноры Рош в середине 1970-х годов привели к формированию теории прототипов¹, в рамках которой категории не были такими четкими, как у Аристотеля. Великий мыслитель, видимо, никогда не встречался с парадоксом куч, и, я думаю, он бы его весьма озадачил.

Еще я рассказал Келли о концепции семейного сходства², которую разработал австрийский философ Людвиг Витгенштейн. В книге «Философские исследования»³ 1953 года он

¹ Теория прототипов — концепция категоризации, согласно которой члены одной концептуальной категории похожи на прототип, соответствующий категории и находящийся в памяти человека. — *Прим. ред.*

² Концепция семейного сходства подразумевает, что члены одной категории связаны по нескольким признакам, при этом ни одна черта не является общей для всех. — *Прим. ред.*

³ Оригинальное название книги — *Philosophical Investigations*. — *Прим. ред.*